

всяком случае, в своих отчётах они продемонстрировали достаточную зрелость и самостоятельность взглядов и оценок (с. 267–268).

Большим достоинством исследования Иванова является его фундаментальность, обилие подробных статистических данных и детальный анализ эпизодов, выявляющих «тонкие места» аттестационной системы, во взаимосвязи с историей российского университетского и специального высшего образования (в том числе и духовного). Историк не раз поражает мастерством при сопоставлении, сравнении, обобщении сложных фактов, явлений и противоречий. Когда рецензия готовилась к печати, стало известно, что автор данной монографии удостоен Макарьевской премии. Труд А.Е. Иванова, вне всякого сомнения, является ценным вкладом в историю России, отечественной науки и высшего образования. Он принадлежит к числу тех «классических» книг, к которым будет обращаться не одно поколение специалистов и просвещённых читателей. Вместе с тем работа А.Е. Иванова имеет и практическое значение. При изменении системы научно-педагогической аттестации в современной России следует учесть отечественные научные традиции и опыт Российской империи.

*Анатолий Иванов*

**Рец. на: Е.А. Ростовцев. Столичный университет Российской империи. Учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с., ил.**

*Anatoly Ivanov*

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

**Rec. ad op.: E.A. Rostovtsev. Stolichniy universitet Rossiyskoy imperii. Uchenoye sosloviie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Moscow, 2017**

Монография Е.А. Ростовцева посвящена исследованию истории Санкт-Петербургской (Петроградской) университетской корпорации позднеимперского периода. Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Она важна для понимания истории высшего образования и науки в России, политики самодержавия в сфере народного просвещения, развития университетских институтов и академической

## Примечания

<sup>1</sup> *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007; *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М., 2010; и др.

<sup>2</sup> Опубликован после смерти автора А.Н. Якушевым в трёх книгах: *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищённые на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998; *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998; *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищённые на физико-математических факультетах университетов Российской империи. Ставрополь, 2004.

<sup>3</sup> *Иванов А.Е.* Учёные степени в Российской империи. XVIII в.– 1917 г. М., 1994.

элиты. Содержательная новизна книги также очевидна. Несмотря на обширный комплекс трудов, посвящённых различным общим и частным проблемам истории Петербургского университета второй половины XIX – начала XX в., подобного фундаментального обобщающего труда в отечественной историографии не существовало, а научно-популярная «История Ленинградского университета

1819–1969 гг. Очерки» (Л., 1969) лишь отчасти могла восполнить данный пробел.

В основе исследования – законодательно-нормативные акты, разнообразная делопроизводственная документация, источники личного происхождения, многочисленные публицистические памятники. Автором проведён контент-анализ сотен газетных статей о Петербургском (Петроградском) университете. Он изучил материалы фондов РГИА, ЦГИА СПб, ЦГА СПб, ГА РФ, отражающие деятельность структур Министерства народного просвещения и других органов власти, а также административно-педагогическую документацию, Особые журналы заседаний Совета министров, стенографические отчёты Государственной думы и т.д., документы самого Петербургского университета. Ростовцев впервые комплексно проанализировал журналы (протоколы) заседаний профессорского совета Петербургского университета, которые прежде использовались историками, в лучшем случае, выборочно и иллюстративно. При этом Ростовцев отмечает, что, поскольку журналы являлись публичным документом, в ряде случаев неудобные сюжеты из них изымались. Между тем основные решения, касавшиеся внутренней корпоративной жизни, первично обсуждались и решались факультетскими советами и лишь затем выносились на рассмотрение и голосование в совет университета. Но в отличие от его протоколов, журналы факультетских заседаний не публиковались (в большинстве своём они сохранились в ЦГИА СПб (ф. 14)). Вероятно, в дальнейшем их фронтальное изучение позволит прояснить механизм и детали принятия многих важных корпоративных решений.

Характеризуя историографию, Ростовцев проследивает формирование различных идей и оценок, связанных с прошлым Петербургского университета, подробно рассматривает работы современников описываемых им событий (Д.И. Менделеева, Л.И. Петражицкого, С.В. Роджественского, В.М. Пуришкевича, Н.С. Державина и др.), а также советских и постсоветских историков (В.Р. Лейкиной-Свирской, Т.П. Бондаревской, П.С. Гусятникова, Г.И. Щетининой, А.Е. Иванова и др.). Особое внимание он уделяет ленинградско-петербургской традиции изучения университетской истории – трудам С.Н. Валка, В.В. Мавродина, Н.Г. Сладкевича,

Р.Ш. Ганелина, Ю.Д. Марголиса, Г.А. Тишкина, В.П. Яковлева, М.В. Борисенко и др. (с. 37–104). Всё это позволило автору успешно интегрировать в своё исследование огромный фактический материал, введённый в оборот его предшественниками.

Первая часть монографии «Корпорация столичного университета: основные черты социального портрета» состоит из шести глав, в которых обстоятельно освещаются институциональное устройство университетской корпорации, взаимодействие между «старшими» и «младшими» членами профессорско-преподавательского корпуса, пределы юридической и фактической автономии университета, личностные отношения студентов со своими учителями, неофициальные корпоративные традиции, положение «университетских людей» в городском обществе и их гражданская активность. Впервые в историографии специфика учебного процесса в Петербургском университете представлена столь основательно.

В монографии ярко показано нарастание напряжённости между «старшими» (профессорами) и «младшими» (приват-доцентами) преподавателями и её благополучное разрешение в революционном 1905 г., что в последующем способствовало консолидации профессорско-преподавательского сообщества перед попытками власти ограничить прерогативы университетской автономии.

Особую ценность имеет глава «Университетская корпорация: опыт коллективной биографии», в которой впервые раскрывается эволюция социального и научного облика преподавательского корпуса столичного университета в 1819–1917 гг. Наблюдения и выводы автора, основанные на обширных статистических выкладках, наглядны и вполне убедительны. Ростовцев выявляет процесс, по его меткому выражению, «аристократизации» учёного сословия, усиления конкуренции за каждую вакансию, что, в свою очередь, увеличивало в обществе «символический капитал» профессорской должности. Как отмечает автор, рост престижа университетской кафедры в известной степени даже компенсировал замораживание на последующие десятилетия окладов после введения штатов по уставу 1863 г.

Интересны наблюдения Ростовцева, касающиеся различий в факультетских традициях Петербургского университета, связанных с требованиями к кандидатам на замещение

кафедр и чтение курсов, характером академической мобильности, вовлечённостью учащихся и учащихся в общественную жизнь. Если, например, на физико-математическом факультете сотрудники без учёной степени к рубежу XIX—XX вв. были редкостью, то на юридическом начало преподавательской деятельности ещё до защиты магистерской диссертации фактически считалось нормой. На факультете же восточных языков магистрами и докторами за 25 лет университетской службы и вовсе становились не более 50% педагогов. Эти и другие особенности Ростовцев связывает с уровнем конкуренции за открывавшиеся вакансии. При этом он опирается на сведения о 859 лицах, т.е. практически обо всех преподавателях пореформенного времени. Более того, ориентируясь на предложенную автором методiku, со временем можно было бы создать коллективный портрет научного сообщества всей Российской империи.

В третьей главе монографии раскрывается сложившаяся в Петербургском университете система внутрикорпоративных связей, которую автор описывает как «патерналистскую модель» отношений между студентами и профессорами. Действительно, в то время постоянно говорилось об «университетской семье», а профессура практически во всех конфликтных случаях старалась защитить своих академических «детей» перед властями. Как убедительно показывает Ростовцев, «нормы поведения профессоров, их самооценка и даже положение в корпорации в наименьшей степени зависели от студенческого мнения, нежели студенческая масса от высказываний своих наставников», и «профессора оказывались заложниками своей патерналистской позиции по отношению к студенчеству». Но в то же время для обуздания студенческого самоуправления, захватившего «слишком много власти», университетскому совету приходилось обращаться за помощью к министрам народного просвещения гр. И.И. Толстому и гр. П.Н. Игнатьеву (с. 770).

В четвёртой, пятой и шестой главах ярко освещена роль университета и его представителей в процессе формирования гражданского общества. Оберегая свою автономию от посягательств власти и общества, «аристократы духа» тем не менее считали своим гражданским долгом участвовать в различных просветительских и гуманистических проектах. Так, например, профессура юридического

факультета много сделала для институционализации благотворительности в России.

Вторая часть монографии — «Столичный университет в социально-политическом пространстве Российской империи второй половины XIX — начала XX в.» включает три главы. В них системно анализируются основные события университетской истории с эпохи Великих реформ до становления в 1920-х гг. нового советского университета, возникшего на обломках старого. Однако основное внимание автор уделяет времени действия устава 1884 г. Его введение Ростовцев обоснованно считает отправной точкой противостояния Министерства народного просвещения и университетской корпорации, продолжавшегося до 1917 г. с непродолжительными перерывами, связанными с либерализацией академического режима при П.С. Ванновском, гр. И.И. Толстом и гр. П.Н. Игнатьеве.

По мнению автора, Петербургский университет в середине 1880-х гг. сумел отбить «бюрократическую атаку» и сорвать попытки министерства установить контроль над преподаванием и академической жизнью. В результате, на практике замещение кафедр, чтение курсов, содержание учебных планов и программ, вопреки нормам нового устава, по-прежнему во многом зависели от университетского совета. Петербургским профессорам, в отличие от московских, удавалось даже «переигрывать» на бюрократическом поле Л.А. Кассо, сохранив, хотя и не без потерь, свой преподавательский состав и добившись восстановления абсолютного большинства студентов, уволенных в ходе беспорядков. Иначе говоря, огорчавшие современников «разгромы высшей школы» 1884 и 1911 гг. в Петербурге ограничивались скорее психологическими травмами.

Обычно студенческое движение рассматривается историками обособлено от общественно-политических настроений и действий профессуры. Особенность труда Ростовцева в том, что эти явления представлены в тесной событийной взаимосвязи, что позволило во многом по-новому изложить обстоятельства борьбы университета с И.Д. Деляновым, дела А.И. Ульянова (1887), деятельности комиссии П.С. Ванновского в 1899 г., кризиса 1910—1914 гг., патриотических акций 1914—1916 гг. и т.д. Ростовцев решительно возражает тем исследователям, которые указывают на признаки «скатывания петербургской профессуры

к шовинизму» в годы Первой мировой войны (с. 667). Он отмечает, что совет первоначально весьма сдержанно отреагировал на требование правительства исключить из числа «почётных членов» подданных воюющих с Россией стран. На деле вскоре исключён был лишь один профессор Ф. фон Лист, подписавший одиозный антироссийский меморандум 93 немецких профессоров «К культурному миру». Между тем сам Ростовцев указывает, что именно Петербургский университет выступил инициатором всероссийского профессорского «Ответа германским учёным», а его ректор Э.Д. Grimm рассылал текст обращения и подписные листы по российским высшим учебным заведениям. «Ответ» подписало абсолютное большинство профессоров-петербуржцев, хотя Grimm, предвидя «неоднозначную» реакцию коллег, не стал выносить его на обсуждение совета (всё же 17 из 59 членов от подписания воздержались) (с. 668–675). Профессора и приват-доценты Петроградского университета В.А. Бутенко, Э.Д. Grimm, Ф.Ф. Зелинский, Н.И. Кареев, Н.В. Ястребов, Е.В. Тарле и другие активно выступали в печати со статьями, разоблачавшими германский милитаризм и призывавшими к борьбе с «немецким засильем» в высшей школе и отечественной науке (с. 678–681). В 1915–1916 гг. Петербургский университет предложил создать новые научные издания по зоологии, ботанике, гистологии, бактериологии и физике, дабы «освободить наших молодых учёных от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах» (с. 668, 691). Таким образом, патриотического пафоса в публичных акциях петроградских профессоров было немало. Вместе с тем тогда же, руководствуясь своими корпоративными интересами, они воспротивились срочной организации в университете изначально отсутствовавшего в нём медицинского факультета, хотя нехватка врачей в условиях военного времени ощущалась чрезвычайно остро.

Как отмечает Е.А. Ростовцев, крах «старого порядка» в феврале 1917 г. приветствовался и преподавателями, и студентами. Однако последовавший хаос и приход к власти большевиков убедительно показали, насколько Императорский Петербургский университет зависел от прежнего социального уклада и своего правового статуса. Новая «народная власть», перестраивая под свои нужды «старую» высшую школу, не видела необходимости договариваться с бывшей прокатетской профес-

сурой (с. 752). Поэтому автор вполне оправданно завершает монографию параграфом «Изгнанники Петроградского университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда». Поскольку «основные причины исхода лежали в политической и идеологической сфере», тяжелее всего его последствия отразились на развитии гуманитарных наук. При этом уровень профессиональной востребованности бывших преподавателей Петроградского университета оказался довольно высок. По подсчётам Ростовцева, более 80% российских профессоров-эмигрантов продолжили свою научную работу на чужбине (с. 756).

В «Заключении» Ростовцев обобщил свои наблюдения, изложив законченную концепцию университета как территории «академической свободы» в условиях самодержавного строя поздней империи. Это пространство позволяло создать эффективный механизм подготовки научных кадров, обеспечивало высокий уровень академической конкуренции, выстраивание вокруг университета множества активно развивающихся формальных и неформальных социокультурных институций и т.д., но для него были также характерны вынужденное перманентное противостояние с властными структурами, отторжение прикладной научно-педагогической деятельности, игнорирование «социального заказа», патернализм, наносивший порою ущерб учебному процессу (с. 766–773). Разумеется, в концепции Ростовцева немало дискуссионного. Так, он несколько расплывчато использует выражение «университетская автономия», противопоставляя его «самоуправлению» (восьмая глава монографии названа даже «Между самоуправлением и автономией»), хотя всё это синонимы единого понятия «академическая автономия». Не раз автор говорит о студенческих беспорядках как некоей «фронде», тогда как борьба учащейся молодёжи за академические и гражданские права в конце XIX – начале XX в. носила всё же принципиальный характер. Но это нисколько не снижает высоких достоинств фундаментального труда Е.А. Ростовцева, насыщенного богатым фактическим материалом и незаменимого для последующих исследований и интерпретаций истории как высших учебных заведений империи в целом, так и, особенно, одного из старейших светочей российской науки, просвещения и культуры – Санкт-Петербургского университета.